

5
РАЗГОВОР
О ПРЕКРАСНОМ

Первая народная артистка республики

ровского Ермолова — художник и реалист, наследница Гоголя и Щепкина. В этом

щей героини раскрывается в юной Эмилии, когда преследуемая самовластными италиянскими князьком, она просит отца заколоть ее, предпочитая смерть бесчестию. В этой роли никому неизвестная дебютантка, всего лишь «воспитанница театрального училища», как было указано в афише, захватила зал глубокой страстью и огромной чело в е с к о й правдой чувств, самым звуком своего проникновенного «теплого» — как определил позже Станиславский — голоса.

Это был праздник искусства — родилась великая русская актриса! С этого дня и начался беспримерный подвиг Ермоловой на сцене

одного из первых театров мира.

За полвека она сыграла в Малом театре 300 ролей и почти каждая была художественным событием. На спектаклях с участием Ермоловой в зале не было равнодушных. Образы, созданные великой артисткой, привлекали не только прекрасной в своей простоте и завершенности художественной формой. Прогрессивно настроенный зритель чувствовал в каждом из них огромную общественную тему. Как и для Гоголя, театр был для Ермоловой «кафедрой», с которой «много добра можно сказать миру». Появлялась ли Ермолова перед зрителем в шлеме и латах народной французской героини Жанны д'Арк («Орлеанская дева» Шиллера), рассказывала ли о гибели Катерины («Гроза» Островского), призывала ли народ в роли Клерхен — невесты Эгмонта («Эгмонт» Гете) стать на защиту своего жениха, обреченного на казнь — на первый план артистка всегда выдвигала жизнеутверждающее героическое начало.

Творчество Ермоловой было глубоко современно. Самые, казалось бы, далекие от сегодняшнего дня пьесы и роли, в которых ей приходилось выступать, наполнялись содержанием, глубоко выражающим общественный, политический смысл эпохи. Так было в спектакле «Овечий источник» Лопе де Вега, где Ермолова играла роль крестьянской девушки Лауренсии. Страстный монолог Лауренсии, призывающей односельчан к восстанию против деспота-феода, прозвучал для студенческой молодежи и всей передовой части зрителей, как протест против самодержавного строя. Пьеса испанского драматурга, созданная два с половиной века назад, послужила поводом к политической демонстрации. Царская цензура вынуждена была запретить пьесу. Она вновь увидела свет рампы лишь через 43 года, уже на сцене советского театра.

Как образец боевого, революционного искусства, вошла в историю русского дореволюционного театра Лауренсия Ермоловой. Но разве гибель Катерины («Гроза») не прозвучала как гневное отрицание гнета, насилия и произвола? Только так, по-добролюбовски, могла истолковать героиню Ост-

сказалась и ее идейная близость к революционно-демократическим слоям русского общества. Великолепным подтверждением этого служат и другие образы из драматургии Островского, воплощенные на сцене Ермоловой. Негина («Таланты и поклонники»), Кручинина («Без вины виноватые»), Тугина («Последняя жертва»), — играя эти роли, Ермолова ярко раскрыла особенности русского женского характера, героического и самоотверженного, полного глубокой нравственной чистоты.

Октябрьская революция поставила перед каждым художником вопрос: с кем ты пойдешь, по какую сторону баррикады окажешься? Но могла ли хоть на минуту задуматься над этим актриса, искусство которой превращало театральные подмостки в политическую арену? Для нее был только один путь — с народом. И как творчески плодотворны были для Ермоловой те немногие годы, которые прошли на советской сцене. Только развивающаяся болезнь заставила Ермолову в 1922 году расстаться с театром.

Говорят, искусство артиста умирает вместе с ним самим. Конечно, это верно в том смысле, что уходит художник, который творит непосредственно рядом, волнуя нас силой своего таланта и сам вдохновляясь нашим волнением.

Но разве традиции великих мастеров сцены, самый дух их творчества, о котором напоминают свидетельства тех, кто жил с ними рядом, не одухотворяют искусство последующих поколений?

И в этом смысле Ермолова — наш современник, величайший образец благородного служения народу, высокий пример для подражания.

О. КАРПОВА.

На снимке: М. Н. Ермолова. Репродукция с портрета художника В. Серова.

2 мая 1920 года в Малом театре состоялось чествование Марии Николаевны Ермоловой в связи с 50-летием ее сценической деятельности. Когда артистка появилась на сцене, первым, кто поднялся для ее приветствия, был, присутствовавший на юбилее, Владимир Ильич Ленин.

По инициативе Ильича Ермоловой первой было присвоено Советским правительством высокое звание народной артистки республики.

Юбилей отмечался в суровое для страны время, когда, казалось, было не до юбилеев. И все же он вылился в событие всенародного значения: таким трепетным вниманием, такой глубокой любовью и уважением окружили зрители Ермолову.

«Всю свою душу Малый театр отдавал народу, и всегда стремились к этому и я и он. До конца дней мы всей душой принадлежим народу». Такими словами отвечала артистка на выражение всеобщего признания.

Как нельзя лучше эти слова определяют цель и смысл всего творческого пути Ермоловой.

Он начался нелегко. Восемилетняя Маша Ермолова впервые познакомилась с театральным искусством, наблюдая за спектаклями из пыльной суфлерской будки на сцене Малого театра, где отец ее занимал скромное место суфлера. Именно тогда и вспыхнула первая страсть к театру, зародилась мечта быть артисткой.

Московское театральное училище, куда Ермоловой удалось попасть после долгих и унижительных просьб и хлопот со стороны отца, мало дало для творческого развития будущей великой артистки. Главное внимание здесь обращали на «балетный класс» и дочка суфлера скоро была зачислена в разряд «безнадежных». Неудачным был и первый дебют в водевиле, где Ермоловой пришлось играть глубоко чуждую ей роль бойкой, кокетливой девчонки.

Успех пришел позже. Ему помог случай. Из-за болезни артистки Федотовой семнадцатилетней Ермоловой была предложена заглавная роль в трагедии Лессинга «Эмилия Галотти». Нет, это уж не кокетливая вертушка из легковесного водевиля. Характер настоя-